A landscape photograph showing a field with a circular path leading to a green area. A large tree is in the foreground on the left, and a line of trees is in the background under a blue sky.

Егор Исаев,
лауреат Ленинской премии

Даль памяти

(Отрывки из поэмы)

Домой,
домой...

I

Ко мне приходит облако.
С рожденья
Оно мое,
Оно идет с полей
Не по теченью ветра — по веленью
Души моей
И памяти моей.
Пока я жив —
Его не сбить с маршрута,
Пока я жив —
Оно всегда со мной, —
В нем дали все,
Как стропы парашюта,
Связуются
С единственно одной —
Той,
Изначальной далью,
Той,
Печальной
И радостной, как бубенец в груди.

Та даль была и лентой повивальной
И первой стезжкой под ноги:
Иди.
Иди, малыш.
И я,
Как по неверной
Волне, шагнул
И удержался — сам! —
И горизонт мой первый,
Самый первый,
Как синим полотенцем,
По глазам —
И мир открылся!
Мир!
И поземельный
И надземельный
С множеством чудес —
С лохматым псом,
С бадейкой журавельной
И журавлиной музыкой с небес.

Подобный мир.
Чтоб взять и наглядеться,
Чтоб взять и вызнать,
Не хватало дня.
Огромный мир —
На маленькое сердце —
Он с головой окатывал меня
И относил

Все дальше от порога,
 От материнской ласковой руки,
 Грозил грозой
 Над взвихренной дорогой
 И окрылял:
 Держись за ветерки,
 Когда качнет,
 Гребь к себе, как волны,
 И отгребай —
 Отталкивай с боков,
 А упадешь —
 Такой уж я неровный, —
 Не огорчайся.
 Испокон веков
 Так было с каждым. Да.
 И будет с каждым
 Во все мои дальнейшие века.
 Я сложный твой,
 Я трудный...
 А пока что
 Ты вон, смотри, не прогляди жука,
 И ту букашку-буковку,
 И эту
 Из моего живого букваря.
 Не прогляди.
 И по его совету
 Я погружался в травы, как в моря.

А травы те
 Тогда густыми были
 И рослыми не по моим летам, —
 Они, как ливни, под рубаху били,
 Зеленые,
 И сверху,
 Где-то там,
 Над головой,
 Под самым синим небом
 Цветки свои качали, не дыша...

Но небо небом. Пусть себе!
 А мне бы
 Не пропустить глазами мураша,
 Сорвать листок,
 Потрогать землю пальцем
 И на зуб взять:
 Мол, как она, земля?
 И уж, конечно, высмотреть жужжальце,
 То самое,
 Что где-то у шмеля.
 «Вез-з-зу!.. Вез-з-зу!..» —
 Жужжало пустотело,
 Остерегая: сторонись, лечу!
 На что уж солнце!
 И оно глядело
 На землю,
 Раздавая по лучу
 Росинке каждой,
 Чтоб она сверкала,
 Соринке каждой,
 Чтоб взялась травой,
 И той норе,
 Откуда вытекала
 Чешуйчатая лента
 С головой,
 Как пуговица, сплюснутой...
 По звуку —

Ознобная,
 Как рашпиль под ножом...

И я замерз!

Была ль змея гадушкой,
 Бедой моей?
 Была ль змея ужом? —
 Спросите степь.

По рытвинам,
 по комыям

Змея стекла,
 Как тихий
 жуткий

гром

Я случай тот по памяти не помню, —
 По молоточку помню под ребром.
 Он вдарил вдруг
 Во все мои границы,
 Во все края:
 В ружье!
 В ружье!
 В ружье!
 И дал понять:
 Горит в моем горнильце
 Запазущное солнышко мое.
 Чуть что — я тут! — напомнит под рукою, —
 Не вечное, но вечному сродни.
 Они вдвоем в заздравном непокое
 На вырост мой раскатывали дни.

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Такая ночь!
 И ты по первоцвету
 Был так светло той ночью осветлен,
 Что жить бы, жить
 И править жизнь к рассвету,
 Но человек...
 А человек ли он?

Как раз в тот миг,
 Когда, скользнув,
 сломался

Неясный луч
 На гребнях темных крыш, —
 Он,
 Чьи полки стояли на Ла-Манше,
 Он,
 Чье гестапо мучило Париж,
 Он,
 Он в тот миг,
 Когда заря ступила
 На синий край завислинских лесов,
 Он — черный канцлер —
 Танковым зубилом
 Своих тяжелых бронекорпусов
 Взломал восток,
 Расклинил
 От Петсамо
 До Таврии:
 Блицкриг!
 Блицкриг!

Блицкриг!
И день воскресный
Стал началом самых
Убойных лет.
А сколько будет их? —
Поди узнай.
Огонь
И лютый натиск
Прицельно бьющих,
бреющих крестов...

И тот рассвет,
Как юный лейтенант,
Который — представляешь! — только что
Заставу принял,
Вырос на пороге
В косом проеме
сорванных
дверей:

— В ружье!
— В ружье!
И молния тревоги
Безмерной протяженностью своей
Ударила,
Ветвясь по всей огромной
Стране твоей —
В длину и в ширину —
И каждого касаясь поименно
И купно всех,
Ушла и в глубину
Истории —
Туда,
К мечу Донского
И Невского — в седые времена —
И восходя от поля Куликова,
От волн чудских
К холмам Бородина
И далее —
оттуда,
из былого —

Сюда,
Сюда,
В рассветные поля...
— В ружье!
— В ружье!..—
Прямой дымился провод,
Как шнур бикфордов,
У виска Кремля.
— В ружье!
— В ружье!..—
По градам шло,
по весям,
В набатное —
вставай! —
переходя...

Да ты войди,
Войди,
Войди в железо,
Кремень-слеза,
Как в землю ток дождя!
Войди,
Войди
И все четыре дали
Кольчужно
там,
внутри самой брони,
Свяжи,

Чтоб не крошилась при ударе...
А ты, земля,
Еще родней сродни
Страну с Москвой,
Москву со всем народом,
Дай,
Дай упор во глубине веков,
Яви свой гнев —
Скажись набатным сводом
Согласных всех
И сродных языков.
Скажись-ударь
Везде и отовсюду
Глагольным боем
От лица зари:
Вставай!
Вставай!
Вставай, народ!

Да будут
Твои неколебимы Октябри!
Вставай,
Вставай
Под ратные знамена
Громадой всей
И тут
И там, вдали!

И встал народ.
Их было миллионы,
Работников. И все они ушли
Туда,
Туда —
В огонь ушли.
А скоро ль
Вернется кто? —
Не спрашивай — гляди.
Ушел отец.
Шабров ушел.
Угорин.
Ушел Рудяк...

Но прежде чем уйти,
Он косу взял,
Отбил ее — ты вспомни,—
Ни трещинки на лезвии стальном.
А в остальном:
— Ну, полно, Нюра, полно...—
Обнял жену.

Да разве в остальном
Обнимешь все? —
И рожью,
Рожью,
Рожью
Ушел мужик
За синий край полей...
И лошади ушли, что помоложе,
И трактора ушли, что поновей.
Ушли,
Ушли...
В то лето у порога
По всей стране
Стояла вся страна.
И почта пригорюнилась.
Дорога
И та спрямилась — вот она, война!